

Яковлев Владимир Васильевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

**Новгородская Корнильевская летопись
в русской историографии XVIII–XX вв.
и в научном наследии А. А. Шахматова**

Во второй половине XVII в. в Новгороде создается ряд летописных памятников, в числе которых такие крупные произведения, как Новгородская Третья летопись (далее — НЗЛ), Новгородская Уваровская летопись (далее — НУвЛ), Новгородская Забелинская летопись (далее — НЗабЛ), Новгородская Корнильевская летопись (далее — НКорнЛ).

Особое место среди них занимает НКорнЛ, которая сохранилась в единственном списке (БАН 34.4.1.). В основе летописи — материалы Софийской Первой летописи младшей редакции с включениями из Лаврентьевской, Воскресенской, Новгородской Второй, Четвертой и Пятой (по Хронографическому списку) летописей и других сочинений. Изучение летописи и ее сравнение с другими новгородскими памятниками этого времени показывает, что именно она послужила основой для создания НУвЛ, НЗЛ (как пространной, так и краткой редакций), а также, но в меньшей степени, НЗабЛ [Яковлев 1997: 5–11].

Ее первоначальная редакция была создана в конце 1650-х — начале 1660-х гг. На это указывают филигранные бумаги, на которой была написана летопись (четыре типа филигранных: герб с лилией и буквами LD, щит с лентой, щит с ягненком и хоругвью, а также голова шута, представленная также четырьмя вариантами). Их изучение показывает, что практически все они относятся ко второй половине 1650-х гг. О том, что эта редакция была создана до середины 1660-х гг., указывает и приписка на полях к основному тексту, датированная 1665 годом (БАН. 34.4.1. Л. 401 об., в дальнейшем эта дата поновлялась).

Впоследствии проводилась большая работа по дополнению текста. Значительная часть нового материала была внесена в 1670–1680-х гг. Точное количество работавших со списком установить трудно: некоторые из них делали отметки и дополняли текст не один год. Можно утверждать, что их было не менее семи человек. Наиболее ранние хронологические выкладки на полях рукописи прочесть очень трудно — они неоднократно исправлялись. Но в любом случае первые отметки относятся ко времени не позднее 1665 г., о чем свидетельствует упомянутая выше запись на полях, датированная этим годом. Второй

этап приходится на 1672–1674 гг. Затем, после небольшого перерыва, работа проводилась в 1677–1678 и 1681–1682 гг. уже другими авторами. Четвертый, наиболее активный период работы приходится на деятельность не менее двух человек в 1683–1685 гг. Редкие приписки вносились в самом конце XVII в., например, в 1692 г., и принадлежали уже другому лицу. Следовательно, этот список НКорнЛ весьма активно использовался в работе почти тридцать лет.

К летописной работе этого времени мог быть причастен митрополит Корнилий. Практически вся основная работа по дополнению НУвЛ, приведшая к появлению НКорнЛ, созданию НЗЛ и НЗабЛ, приходится на период его пребывания на новгородской кафедре, которую он занимал более двадцати лет — с 1674 по 1695 г. Учитывая размах этой работы, продолжительность, интерес именно к церковной истории, многообразие источников, разыскиваемых и привлекаемых составителями, использование ими церковных и монастырских летописцев и местных святынь и др. материалов, можно предположить, что по крайней мере без одобрения Корнилия такая работа не состоялась бы. На его участие указывает и следующий примечательный факт. В 1695 г. он оставляет Новгород и уезжает в Троицкий Зеленецкий монастырь, где и проводит последние годы жизни вплоть до своей смерти в 1698 г. Выбор монастыря был не случайным — там он в свое время принимал постриг, в течение пяти лет был архимандритом этого монастыря. При нем обитель достигла своего расцвета, именно благодаря стараниям Корнилия возводились новые храмы, колокольня, прокладывались дороги, монастырю были приписаны новые земли, он снабжается книгами, колоколами, церковной утварью [Троицкий Зеленецкий монастырь 1912: 18]. Существует мнение, что Корнилий принимал участие и в создании Жития Мартирия Зеленецкого и канона ему [Азбелев 1960а: 155–182; Филарет (Гумилевский), архиеп. 1882: 279–283; Филарет (Гумилевский) 1884: 254]. Оно не нашло поддержки у ряда историков [Ключевский 1871: 346; Крушельницкая 1993: 182–184; Мартирий Зеленецкий 1998: 22–25, 27–28]. Вместе с бывшим митрополитом в монастырь отвозится и сборник, содержащий НКорнЛ. Об этом свидетельствует запись в нижней части ряда листов рукописи (БАН. 34.4.1. Л. 13–25). Очевидно, что это был не случайный выбор. Быть может, работа продолжалась и в Троицком Зеленецком монастыре. В частности, благодаря этому и было предложено автором данной статьи именно такое название летописи — Новгородская Корнильевская.

В 1698 г., уже после смерти Корнилия, летопись вместе с частью книг монастырской библиотеки, а также различная церковная утварь

отправляется обратно в Новгород. Об этом сохранилось несколько противоречивое свидетельство Летописца Зеленецкого монастыря, в котором, в частности, упоминается, что за книгами в монастырь приезжал новгородский архиепископ Феодосий [Мартирий Зеленецкий 1998: 133; Троицкий Зеленецкий монастырь 1912: 18]. Однако Феодосий Яновский, ставший архиепископом лишь в 1721 г., в конце XVII в. в таком качестве приезжать в монастырь не мог. Вероятно, здесь была допущена неточность, и Феодосий назван архиепископом исходя из его дальнейшего продвижения. Действительно, при нем из различных церквей и монастырей было вывезено значительное количество книг и рукописей — всего несколько сотен [Луппов 1973: 278]. Правда, приезжать мог и другой Феодосий — казначей Софийского дома, иеромонах, близкий к новгородскому митрополиту Иову человек. Он от имени Иова делал вклады в монастыри, снабжал рукописными книгами царевича Алексея Петровича, принимал участие в переводах книг с греческого и латыни, которые осуществлялись в Софийском доме [Исторический очерк 1956: 137, 142].

Летопись оказывается в Софийском соборе, о чем свидетельствует запись на первом листе рукописи, сделанная в то время: «Сия книга Гранограф соборная церкви Софии Премудрости Божия казенная и Великаго Новаграда» (БАН 34.4.1. Л. 1). Упоминается она и в описи 1725 г. (в это время ризница Софийского собора насчитывала 120 книг и рукописей), с отметкой, что привезена из Зеленецкой пустыни [Луппов 1973: 285–286]

В дальнейшем Софийская библиотека теряет свое значение. Многие книги оказываются в частных руках, пересылаются в Петербург, Москву, вывозятся высокопоставленными чиновниками, в частности, А. И. Мусиным-Пушкиным. Не миновала этой участи и НКорнЛ. Она оказывается у новгородского дворянина П. Н. Крекшина, собирателя древностей, автора ряда исторических трудов. От него рукопись 31 октября 1746 г. попадает в библиотеку Академии наук (по «Камерному каталогу» рукопись поступила в библиотеку в 1742 г.), где она и находится по сей день [Исторический очерк 1956: 219].

Работал с этой рукописью в академической библиотеке М. В. Ломоносов. Наряду с другими летописными памятниками новгородского происхождения он использовал ее в ряде своих работ («Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера “Происхождение имени и народа российского”», «Древняя Российская история», «Краткий российский летописец с родословием», «Краткое описание разных путешествий по северным морям и

показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» [Ломоносов 1952: 20, 27, 38, 44, 215, 296, 443]). По мнению Г. И. Моисеевой, М. В. Ломоносов был знаком с НЗЛ и НЗабЛ, при этом она ошибочно определяет список БАН 34.2.26 как список НЗЛ, который в действительности содержит НЗабЛ [Моисеева 1971: 102–105, 134–136]. В частности, в 1749 г. он работал с НКорнЛ (Г. И. Моисеева охарактеризовала ее как летопись, сходную с НЗЛ, однако в это время в библиотеке не было ни одного списка этой летописи, М. В. Ломоносов имел дело именно с НКорнЛ, послужившей основным источником для НЗЛ, что, вероятно, и привело к подобным наблюдениям). Материалы летописи М. В. Ломоносов использовал, в частности, и в полемике с Г. Ф. Миллером, который весьма критически относился к ее известиям: им «новгородский летописец весьма дерзновенно опровергается», — возмущался Ломоносов [Ломоносов 1952: 38]. Однако в своих печатных работах Миллер воздерживался от критических отзывов о новгородских летописях [Миллер 1761].

Также скептически относился к летописи и другой известный историк XVIII века — А. Л. Шлецер, что, впрочем, не помешало ему использовать ее при работе над книгой, посвященной Нестору. Шлецер называл список Софийским (вероятно, потому, что на первом листе рукописи содержится упомянутая выше запись начала XVIII в. о принадлежности ее Софийскому собору), отмечая, что он «совершенно нов, писан нерадиво грубым невеждой» [Шлецер 1806: IV], и охарактеризовывал его не самым лестным образом: «самый дурной список, какой только есть в академическом архиве» [ibid.: 163]. Замечания Шлецера понятны, но не совсем справедливы. Действительно, для него он был «совершенно нов», хотя бы потому, что был старше его самого менее чем на полвека. И искать в нем уникальных сведений о работе Нестора было бы излишне оптимистично. Но оценка степени «дурности» есть понятие условное, в академическом архиве столько всего хранится, что подобные оценки теряют смысл. Тем не менее, работа с новгородскими летописями велась Шлецером достаточно активно — сохранились его выписки из них, сделанные на немецком языке с включением цитат из летописей (135 л.). Особо выделена часть, отраженная в Повести временных лет. По всей видимости, это рабочий материал для книги, посвященной Нестору (РНБ. Эрмитажное собр., нем., № 139).

В конце XVIII века была предпринята попытка издания летописи — вышла только первая часть, включившая статьи до 1424 г. Примечательно небольшое предисловие С. К. Котельникова, подготовившего рукопись к печати, которое открывало книгу: «Сия рукопись

весьма неисправна: чего ради должен я упомянуть, что намерение Академии есть доставить любителям Российской истории чтение самых подлинников, каковы они есть, и тем самым подать беспрепятственной способ и совершенную свободу к изысканию исторической истине» [Российская летопись 1795]. Качество издания было далеко от научного, характеристика издателя оптимизма не внушала, что и повлияло в дальнейшем на то, что летопись не привлекала особого внимания исследователей. Что и понятно, поскольку подавляющее их большинство имело дело именно с этим изданием, в то время как ценность этого памятника можно оценить исключительно при непосредственной работе с рукописью. Она не заинтересовала издателей Полного собрания русских летописей, которые обратили самое пристальное внимание на новгородские памятники, в том числе поздние (была издана, а в дальнейшем переиздана и активно использовалась во многих работах НЗЛ, которая является вторичным памятником относительно НКорнЛ). Часть тиража издания 1795 г. так и осталась на складах типографии Академии наук невостребованной. В начале XX в. Ю. Битовт поместил книгу в «Список продающимся до сих пор в императорской Академии наук по номинальной цене, книгам XVIII века, но сlying за редкие у некоторых библиографов и антикваров» [Редкие русские книги 1905: 577].

В начале XIX в. НКорнЛ была привлечена П. Строевым при публикации Софийского временника. Он отнесся к летописи более объективно и отмечал, что «сей список не столь дурен, как говорит об нем Шлецер... Я находил в нем многие места исправными, между тем как в других летописях они искажены переписчиками» [Софийский временник 1820: XVIII]. Критически отзывался П. Строев и об издании летописи в 1795 г.

На печатное издание летописи неоднократно ссылались и другие историки этого времени, в частности Н. С. Арцыбашев [Арцыбашев 1838], митрополит Макарий (Булгаков) [Макарий (Булгаков), митр. 1995] и др. Краткая характеристика памятника была дана Д. Поленовым, который в своих выводах основывался только на опубликованной ее части. Остановливаясь в основном на недостатках этого списка, часть которых может быть объяснена ошибками, допущенными при подготовке к тексту к изданию, он отмечал такие его достоинства, как наличие известий о новгородских церквях и монастырях, епископах и архиепископах, отсутствующих в других летописях [Поленов 1849: 115–121]. Следует отметить, что в это время летопись воспринималась только как один из списков Софийского временника и в качестве са-

мостоятельного памятника не выделялась.

В дальнейшем летопись более чем на сто лет практически пропадает из поля зрения исследователей. Даже С. Н. Азбелевым, проделавшим огромную работу в архивах и рукописных собраниях по выявлению списков новгородских летописей XVII в., она была обнаружена уже после завершения основной работы по воссозданию истории летописной традиции Новгорода второй половины XVII в. [Азбелев 1960а]. В рамках изучения НУВЛ им была дана краткая ее характеристика с замечанием, что этот список является черновиком другого летописного свода [Азбелев 1960б: 271]. За этим исключением статья полностью повторяет соответствующую главу монографии того же автора.

Дальнейшее изучение НКорНЛ было осуществлено автором настоящей работы, благодаря чему и удалось установить ее особое место в истории новгородской историко-литературной традиции XVII столетия [Яковлев 1997].

Впрочем, как удалось недавно выяснить, было одно исключение. В архиве А. А. Шахматова сохранилось печатное издание летописи 1795 г. с пометками академика (СПб филиал архива РАН. Ф. 134. Оп. 1, № 358). А. А. Шахматов внимательно просмотрел весь текст, им были сделаны карандашные пометки на полях, в основном касающиеся параллелей с другими памятниками (Лаврентьевской, Новгородской Четвертой, Софийской Первой и др. летописями). Отдельные статьи, сведения, фразы и даже слова подчеркнуты и порой сопровождаются знаком вопроса (6523, 6560, 6691, 6693, 6700, 6703, 6704, 6705 гг. и др.) или записями на полях: «откуда?» (6533, 6539, 6577, 6775 гг. и др.), «ошибка!» (известие 6671 г. об обретении мощей Сергия и Германа Валаамских при архиепископе Иоанне прокомментировано следующим образом: «Ошибка! Жили в XIV ст.» (с. 165)), «ср. выше», «ср. ниже» и пр. В случае, если в других летописях содержится иная датировка события, это также отмечается с соответствующей отсылкой (напр., известие о смерти епископа Никиты помещено под 6615 г., рядом находится заметка А. А. Шахматова о том, что в Софийской и Новгородской Четвертой летописях оно отнесено с 6616 г.; упоминания 6874 г. о церкви св. Троицы на Рядитине улице и 6899 г. о церкви св. Климента в Плотницах сопровождается отсылкой на Новгородскую Четвертую летопись, в которой они содержатся соответственно под 6873 г. и 6894 г. и т. д.). Часть записей полустерты и крайне неразборчивы.

По всей видимости, летопись не заинтересовала исследователя, поскольку никаких ссылок на нее в его работах обнаружить не удалось. Да и судя по отличному состоянию книги, особой работы с ней более не

проводилось. Скорее всего А. А. Шахматов ограничился знакомством с ней только по этому изданию и не обращался к рукописи. Если бы такое желание возникло, то, думается, ее нашли бы в БАН для академика. К тому же на форзаце книги наряду с автографом А. А. Шахматова содержится шифр рукописи с ее датировкой — конец XVII в. (правда, не понятно, когда она была сделана). Вероятно, это связано не только с низким уровнем издания, но и с тем, что А. А. Шахматова тогда интересовала тема, связанная с Повестью временных лет, и поздние летописные своды здесь не представляли для него первоочередного значения. Но в любом случае факт примечательный. Более чем на сто лет летопись выпала из поля зрения исследователей. И единственным человеком, который с ней в это время работал, был А. А. Шахматов.

Сокращения

НЗЛ — Новгородская Третья летопись
НУвЛ — Новгородская Уваровская летопись
НЗабЛ — Новгородская Забелинская летопись
НКорнЛ — Новгородская Корнильевская летопись

Литература

- Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960.
Азбелев С. Н. Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. Т. XVI. М.—Л., 1960. С. 270–287.
Арцыбашев Н. С. Повествование о России. Т. 1. Кн. 1.; Т. 2. Кн. 2.; Т. 2. Кн. 3.; Т. 2. Кн. 4. М., 1838.
Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век. М.—Л., 1956.
Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
Крушельницкая Е. В. Корнилий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 182–184.
Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.—Л., 1952.
Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.
Макарий (Булагаков), митр. История русской церкви. М. 1995. Кн. 2.
Мартирий Зеленецкий и основанный им Троицкий монастырь. СПб., 1998.
Миллер Г. Ф. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761. Июль. С. 3–5; Август. С. 99–158; Сентябрь. С. 195–240; Октябрь. С. 291–323.
Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.

Поленов Д. Библиографическое обозрение русских летописей // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1849. Ч. 64. Отд. 2. № 11. С. 73–134.

Редкие русские книги и летучие издания 18-го века / Сост. Ю. Битовт. М., 1905.

Российская летопись по списку Софейскому Великому Новаграда в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук, по ее повелению. Ч. 1. СПб., 1795.

Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 гг. Ч. 1. М., 1820.

Троицкий Зеленецкий монастырь и его основатель преподобный Мартирий. СПб., 1912.

Филарет (Гумилевский), архиеп. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Т. 1. СПб., 1882.

Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. Кн. 1. СПб., 1884.

Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древнеславенском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером. Ч. 1. СПб., 1806.

Яковлев В. В. Новгородское летописание XVII века: Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1997.